

Александр Рославлёв

Небеса весенние
Кротки, глубоки,
У заборов первые
Жёлтые цветы.

Лишь зажгутся чёткие
Звёзды в высоте,
Выйду в поле тёмное
С думой о Христе.

Через речку спящую
С храма из села
Весть пошлют блаженную
Вдаль колокола.

Я услышу Ангелов
Многочкрылый лёт
И шаги Воскресшего —
Он придёт, придёт!..

Душу сиротливую
Обласкает Свет.
Поцелую, Господи,
Твой незримый след.

ТРОИЦКИЙ ЛИСТОЧЕК

Журнал для детей разного возраста

«Весна»

Сереза Шишков (7 лет)

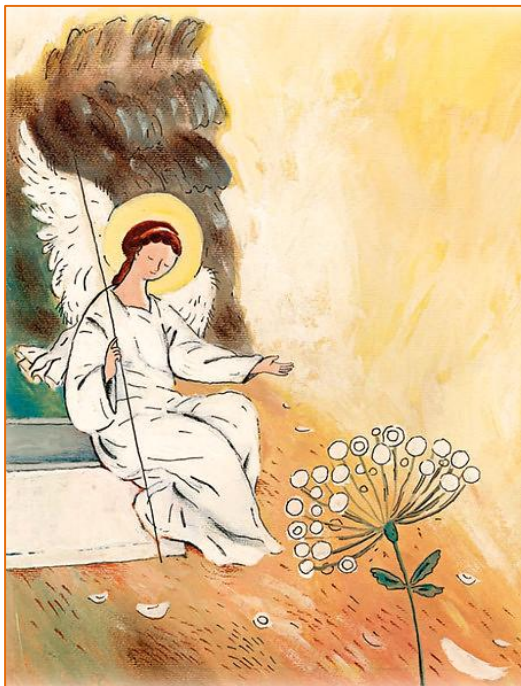
Александр Солодовников

Сердце весной откройте —
Воскресли леса и реки!
Господа пойте и превозносите Его во веки!

Как пахнет уже листвою-то
Природа открыла веки!
Господа пойте и превозносите Его во веки!

Кукушка кричит далеко
На гулкой лесной просеке.
Господа пойте и превозносите Его во веки!

Трепет возник какой-то
И в травке, и в человеке.
Господа пойте и превозносите Его во веки!

- 2 -

ЛЕТО ГОСПОДНЕ

(отрывок)

Иван Шмелев

Огненный змей взметнулся, разорвался на много змей, взлетел по куполу до креста... и там растаял. В чёрном небе алым крестом воздвигалось! Сияют кресты на крыльях, у карнизов. На белой церкви светятся мягко, как молочком, матово-белые кубастики, розовые кресты меж ними, зелёные и голубые звёзды. Сияет «Х. В.» На пасочной палатке тоже пунцовый крестик. Вспыхивают бенгальские огни, бросают на стены тени – кресты, хоругви, шапку архиерея, его трикирий. И всё накрыло великим гулом, чудесным звоном из серебра и меди.

– Хрис-тос воскре-се из мёртвых...

– Ну, Христос воскрес... – нагибается ко мне радостный, милый Горкин.

Трижды целует и ведет к нашим в церковь. Священно пахнет горячим воском и можжевельником.

...Сме-ртию смерть... по-пра-ав!..

Звон в рассвете неумолкаемый. В солнце и звоне утро. Пасха, красная...

...Я рассматриваю подаренные мне яички. Вот хрустальное-золотое, через него – всё волшебное. [...] И вот фарфоровое, отца. Чудесная панорамка в нём. За розовыми и голубыми цветочками бессмертника и мохом, за стёклышком в голубом ободке видится в глубине картинка: белоснежный Христос с хоругвью воскрес из Гроба. Рассказывала мне няня, что если смотреть за стёклышко, долго-долго, увидишь живого ангелочка. Усталый от строгих дней, от ярких огней и звонов, я вглядываюсь за стёклышко. Мреет в моих глазах, – и чудится мне, в цветах, – живое, неизъяснимо-радостное, святое... – Бог?.. Не передать словами. Я прижимаю к груди яичко, – и усыпляющий перезвон качает меня во сне.

- 11 -

СВЕТЛОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ

(рассказ)

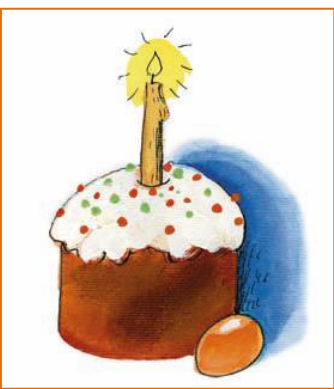
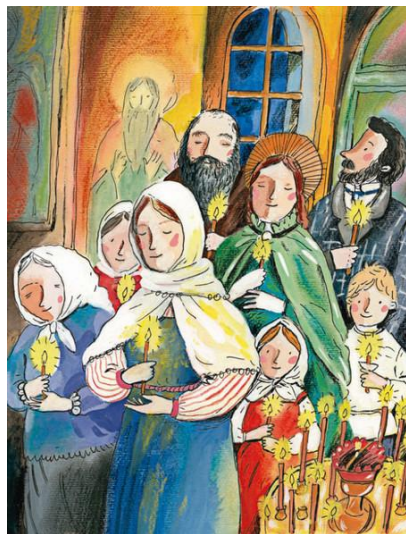
Константин Ушинский

Я решил не спать эту ночь; но когда стемнело, братья и сестры заснули, то и я, сидя в креслах, задремал, хоть и знал, что в зале накрывали большой стол чистою скатертью и расставляли пасхи, куличи, крашенки и много-много хороших вещей.

Ровно в полночь ударили в соборе в большой колокол; в других церквах ответили, и звон разлился по всему городу. На улицах слышалась езда экипажей и людской говор. Сон мигом соскочил с меня, и мы все отправились в церковь.

На улицах темно; но церковь наша горит тысячами огней и внутри и снаружи. Народу валит столько, что мы едва протеснились. Мамаша не пустила меня с крестным ходом вокруг церкви. Но как обрадовался я, когда наконец за стеклянными дверьми священники появились в блестящих ризах и запели: «Христос воскрес из мёртвых!» Вот уж именно из праздников праздник!

После ранней обедни пошли святить пасхи, и чего только не было наставлено вокруг церкви!

Мы воротились домой, когда уже рассветало. Я похристосовался с нашею нянею: она, бедняжка, больна и в церковь не ходила. Потом все стали разговляться, но меня одолел сон.

Когда я проснулся, яркое солнышко светило с неба и по всему городу гудели колокола.

Дорогие ребята! Сегодня мы хотели бы познакомить вас с отрывками из рассказов русских писателей, повествующих об их детских переживаниях событий Страстной Седмицы и Пасхи. Рассказы напечатаны на стр.3-5, 8-11.

ДВЕНАДЦАТЬ ЕВАНГЕЛИЙ

(рассказ)

Василий Никифоров-Волгин

До звона к чтению двенадцати Евангелий я мастерил фонарик из красной бумаги, в котором понесу свечу от страстей Христовых. Этой свечой мы затеплим лампаду и будем поддерживать в ней неугасимый огонь до Вознесения.

– Евангельский огонь, – уверяла мать, – избавляет от скорби и душевной затеми!

Фонарик мой получился до того ладным, что я не стерпел, чтобы не сбегать к Гришке, показать его. Тот зорко осмотрел его и сказал: – Ничего себе, но у меня лучше!

При этом он показал свой, окованный жестью и с цветными стёклами.

– Такой фонарь, – убеждал Гришка, – в самую злую ветрюгу не погаснет, а твой не выдержит!

Я закручинился: неужели не донесу до дома святого огонька?

Свои опасения поведал матери. Она успокоила:

– В фонаре-то не хитро донести, а ты попробуй по-нашему, по-деревенскому, – в руках донести. Твоя бабушка, бывало, за две версты, в самую ветрень, да полем, несла четверговый огонь и доносила!

Предвечерье Великого четверга было осыпано золотистой зарёй. Земля холодела, и лужицы затягивались хрустящей заледью. И была такая тишина, что я услышал, как галка, захотевшая напиться из лужи, разбила клювом тонкую заморозь.

– Тихо-то как! – заметил матери. Она призадумалась и вздохнула:

– В такие дни всегда... Это земля состраждет страданиям Царя Небесного!..

Нельзя было не вздрогнуть, когда по тихой земле прокатился круглозвучный удар соборного колокола. К нему присоединился серебряный, как бы грудной звон Знаменской церкви, ему откликнулась журчащим всплеском Успенская церковь, жалостным стоном Владимирская и густой воркующей волной

Воскресенская церковь.

От скользящего звона колоколов город словно плыл по голубым сумеркам, как большой корабль, а сумерки колыхались, как завесы во время ветра, то в одну сторону, то в другую.

Начиналось чтение двенадцати Евангелий. Посередине церкви стояло высокое Распятие. Перед ним аналой. Я встал около креста, и голова Спасителя в терновом венце показалась особенно измученной. По складам читаю славянские письма у подножия креста: *«Той язвен бысть за грехи наша, и мучен бысть за беззакония наша».*

Я вспомнил, как Он благословлял детей, как спас женщину от избиения камнями, как плакал в саду Гефсиманском всеми оставленный, – и в глазах моих засумерничало, и так хотелось уйти в монастырь... После ектеньи, в которой трогали слова: *«О плавающих, путешествующих, недугующих и страждущих Господу помолимся»*, – на клиросе запели, как бы одним рыданием: *«Егда славнии ученицы на умовении вечери просвещахуся».*

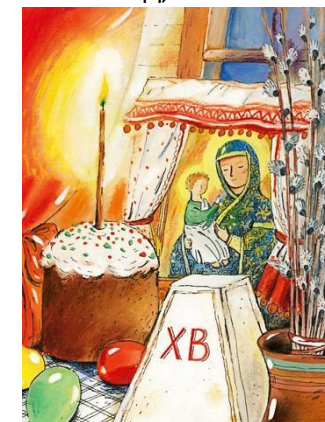

У всех зажглись свечи, и лица людей стали похожими на иконы при лампадном свете, – световидные и милостивые.

[...] Тесно прижавшись друг к другу, ночными потёмками, по струям воскресной песни, осыпаемые трезвоном и обогреваемые огоньками свечей, мы пошли вокруг белозорной от сотни огней церкви и остановились в ожидании у крепко закрытых дверей. Смолкли колокола. Сердце затаилось. Лицо запылало жаром. Земля куда-то исчезла – стоишь не на ней, а как бы на синих небесах. А люди? Где они? всё превратилось в ликующие пасхальные свечи!

И вот то огромное, чего охватить не мог вначале, – свершилось! Запели *«Христос воскрес из мёртвых».*

Три раза пропели *«Христос воскрес»*, и перед нами распахнулись створки высокой двери. Мы вошли в воскресший храм, – и перед глазами, в сиянии паникадил, больших и малых лампад, в блёстках серебра, золота и драгоценных камней на иконах, в ярких бумажных цветах на куличах, – вспыхнула Пасха Господня! Священник, окутанный кадилым дымом, светло и громко воскликнул: *«Христос воскрес»*, и народ ответил ему грохотом спадающего с высоты тяжёлого льдистого снега – *«Воистину воскрес».* [...]

А по церкви молниями летали слова пасхального канона. Что ни слово, то искорка весёлого быстрого огня:

«Небеса убо достойно да веселятся, земля же да радуется, да празднует же мир видимый же весь и невидимый, Христос бо возста, веселие вечное».

Сердце мое зашло от радости, – около амвона увидел девочку с белокурыми косами, которую заметил на выносе плащаницы! Сам не свой подошёл к ней и, весь зардевшись, опустив глаза, я прошептал:

– Христос воскрес!

[...] А в это время с амвона гремело пасхальное слово Иоанна Златоуста:

«Аще кто благочестив и боголюбив, да насладится сего доброго и светлого торжества: воскрес Христос, и жизнь жительствует!»

СВЕТЛАЯ ЗАУТРЕНЯ

(рассказ)

Василий Никифоров-Волгин

[...] От первого удара колокола по земле словно большое серебряное колесо покатилося, а когда прошёл гуд его, покатилося другое, а за ним третье, и ночная пасхальная тьма закружилась в серебряном гудении всех городских церквей.

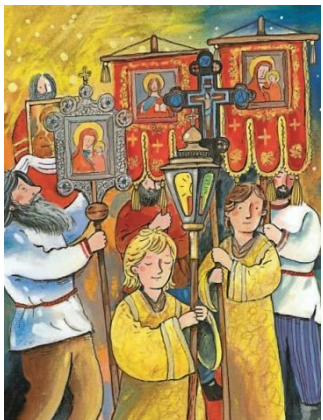
Меня приметил в темноте нищий Яков.

– Светловещанный звон! – сказал он и несколько раз перекрестился.

В церкви начали служить «великую полунощницу». Пели «Волною морскою». Священники в белых ризах подняли плащаницу и унесли в алтарь, где она будет лежать на престоле, до праздника Вознесения. Тяжелую золотую гробницу с грохотом отодвинули в сторону, на обычное своё место, и в грохоте этом тоже было значительное, пасхальное, – словно отваливали огромный камень от Гроба Господня.

Я увидел отца с матерью. Подошёл к ним и сказал:

– Никогда не буду обижать вас! – прижался к ним и громко воскликнул: – Весело-то как!

А радость пасхальная всё ширилась, как Волга в половодье, про которое не раз отец рассказывал. Весенними деревьями на солнечном поветрии заколыхались высокие хоругви. Стали готовиться к крестному ходу вокруг церкви. Из алтаря вынесли серебряный запрестольный крест, золотое Евангелие, огромный круглый хлеб – артос, заулыбались поднятые иконы, и у всех зажглись красные пасхальные свечи.

Наступила тишина. Она была прозрачной, и такой лёгкой, если дунуть на неё, то заколеблется паутинкой. И среди этой тишины запели: «Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на небеси». И под эту воскреляющую песню заструился огнями крестный ход.

Из алтаря, по широким унынным разливам четвергового тропаря вынесли тяжёлое, в чёрном бархате Евангелие и положили на аналой перед Распятием. Всё стало затаённым и слушающим. Сумерки за окнами стали синее и задумнее.

С неутомимой скорбью был положен «начал» чтения первого Евангелия «*Слава страстем Твоим, Господи*». Евангелие длинное-длинное, но слушаешь его без тяготы, глубоко вдыхая в себя дыхание и скорбь Христовых слов. Свеча в руке становится тёплой и нежной. В её огоньке тоже живое и настороженное.

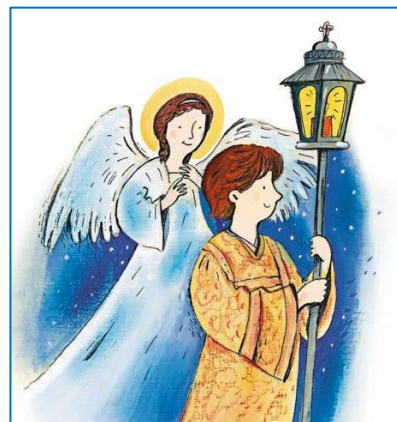
Во время каждения читались слова, как бы от имени Самого Христа.

«Людие мои, что сотворих вам, или чем вам стужих, слепцы ваша просветих, прокаженные очистих, мужа суца на одре возставих. Людие мои, что сотворих вам и что ми воздаете? За манну желчь, за воду оцет, за еже любити мя, ко кресту мя пригвоздиша».

В этот вечер, до содрогания близко, видел, как взяли Его воины, как судили, бичевали, распинали и как Он прощался с Матерью. «*Слава долготерпению Твоему, Господи*».

После восьмого Евангелия три лучших певца в нашем городе встали в нарядных синих кафтанах перед Распятием и запели «светилен». «*Разбойника благоразумного во едином часе раеви сподобил еси, Господи; и мене Древом крестным просвети и спаси*».

С огоньками свечей вышли из церкви в ночь. Навстречу тоже огни

– идут из других церквей. Под ногами хрустит лёд, гудит особенный предпасхальный ветер, все церкви трезвонят, с реки доносится ледяной треск, и на чёрном небе, таком просторном и божественно-мощном, много звёзд.

– Может быть, и там... кончили читать двенадцать Евангелий, и все святые несут четверговые свечи в небесные свои горенки?

Урок молитвы

ЖИВОТ ВЕРЫ

Толкование молитвы
(продолжение. Начало см. № 12(41))

Дорогие ребята, в одном из выпусков «Листочка» мы с вами говорили о 9-й части Символа Веры (Верую в Единую, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь), что заставило нас остановиться и подробнее поговорить о том, что такое «вера», «Церковь».

Тело Христово

Пожалуй, один из самых известных и часто употребляемых образов Церкви - Тело Христово. Мы находим его в послании апостола Павла: "Как тело одно, но в нём много частей, и хотя их много, все они составляют одно тело, - так и Христос: Ведь тело состоит не из одной части, а из многих... И если ухо скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не глаз, то неужели поэтому оно перестанет быть частью тела? Если бы все тело состояло из одного глаза, то как бы оно слышало?.. Но Бог по Своему усмотрению отвёл каждой части своё место в теле. Если же все части тела будут в одной, будет ли это телом? А теперь частей много, но тело одно. Не может глаз сказать руке: ты мне не нужна, или голова ногам: вы мне не нужны: Но Бог распределил все так, что слабейшим нужно больше внимания, чтобы не было разделения в теле, но все части одинаково заботились друг о друге. Поэтому, если страдает одна часть, то с ней страдают все. Если хвалят одну часть, с ней радуются все части. И вы - тело Христово, а порознь - части".

Церковь - тело Христово в самом реальном смысле. Приобщение к этому Телу есть приобщение к Самому Христу. Церковь - это Христос, живущий в людях. Члены Церкви - единый организм, все части которого неразделимы с того момента, как они стали Телом Христовым. Дух Божий, пронизывающий собою тело Церкви, соединяет всех воедино, вливая в сердца любовь. Эта любовь становится для верующих принципом жизни и отношения к другим людям. (продолжение в следующем выпуске) - 6 -

О ЦЕРКОВНОЙ ПЕНИИ

БОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТУРГИЯ
(продолжение. Начало см. выпуск 11 (40))

ПРИЧАЩЕНИЕ

Следует причащение священнослужителей в алтаре. Во время приобщения священнослужителей поется стих, называемый «причастным», а затем поется какое-либо песнопение или читаются молитвы перед причащением... Открываются царские врата для причащения верующих мирян, и диакон, имея в руках Святую Чашу, произносит **«Со страхом Божиим и верою приступите»**. Открытие царских врат в это время напоминает открытие гроба Спасителя, а вынос Святых Даров — явление Иисуса Христа по воскресении. Преклоняясь перед Святой Чашей, как перед Самим воскресшим Спасителем, певчие от лица верующих поют: **«Благословен грядый во имя Господне; Бог-Господь и явился (явился) нам»**.

Причащающиеся миряне, «со страхом Божиим и верою» приступая к Святой Чаше, с предварительным поклоном, повторяют вполголоса произносимую священником молитву перед причащением: «Верую, Господи, и исповедую...», в которой исповедуют свою веру в Иисуса Христа, как Сына Божия, Спасителя грешных, веру в Таинство Причащения, в котором под видом хлеба и вина принимают истинное Тело и истинную Кровь Христову, как залог вечной жизни и таинственного общения с Ним, и просят Его удостоить их неосужденно причаститься Святых Таин во оставление грехов, обещая не только не изменять Христу, не быть Иудой-предателем, но и среди жизненных страданий, подобно благоразумному разбойнику, твердо и смело исповедывать свою веру.

Сделав земной поклон, верующие для принятия Святых Таин поднимаются на амвон. Крестообразно сложивши руки на груди, подходят причащающиеся к царским вратам, не делая крестного знамения перед Святой Чашей, которую по причащении лобызают также не крестясь, чтобы не толкнуть Святой Чаши.

(продолжение следует)